

Наталья Захарова

*Вопросы
мастеру*

Наталья Захарова
Вопросы мастеру

«Издательские решения»

Захарова Н.

Вопросы мастеру / Н. Захарова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747612-0

Верите ли вы в судьбу? Или уверены, что сами творцы собственной жизни? А что, если истина где-то посередине? Что, если чья-то незримая рука подкидывает вам подсказки в виде тех или иных эмоций, словно цветные камушки, а принять или проигнорировать их — решать вам? Прислушаются ли герои книги к подсказкам судьбы? Вы узнаете это, погрузившись в мир фантазии, который существует вне времени и пространства, но который влияет на настоящее здесь и сейчас.

ISBN 978-5-44-747612-0

© Захарова Н.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	7
3	9
4	12
5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вопросы мастеру

Наталья Захарова

Посвящаю книгу своей маме... Ты рядом

© Наталья Захарова, 2018

ISBN 978-5-4474-7612-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Хранитель закрыл книгу. То событие, о котором он прочитал только что, вот-вот должно было произойти, и оно обещало непременно затронуть души Мастеров, заставить их задуматься. Он знал, что многие из них наверняка захотят получить ответы на свои вопросы, а это грозило ему новыми заботами.

Совсем недавно... Да. Именно «совсем недавно», именно так – отсутствие времени для их расы казалось порой таким невозможным! Но они жили вне времени. И даже само слово «жили» здесь неуместно, так как оно означает существование кого-то живого в течении опять же времени, которого у них и не было.

Итак... Совсем недавно он прочитал в книге о неминуемом событии, которое было прописано просто одним из пунктов, хотя должно было быть прописано, как он думал, красными буквами, на крайний случай подчеркнутым шрифтом или, хотя бы, курсивом, что тоже выделяло бы его среди черного текста... Но ведь не просто же страница 1113, пункт 26!

Хранитель в недоумении закрывал книгу и открывал ее вновь, словно пытался найти какой-то тайный смысл в написанном, но не находил его.

Сейчас он стоял на самом высоком этаже, под самым куполом их Вселенной, куда любил сбегать от всех, потому что только тут никто не мог помешать ему думать... Здесь находились только лишь судьбы старых, давно вымерших племен, так что это по сути было кладбище для судеб.

Этажи простирались в стороны под ним, перед ним и вокруг него. Белые этажи со стеклянными дверями и лампы, лампы... кругом свет... Белые стены, белые одежды... все белое. Порой ему казалось, что он слишком устал от белого. И тогда он закрывал глаза и пытался представить все в цвете. В красном, оранжевом, желтом, зеленом, голубом, синем и фиолетовом, наконец. В вечных цветах земной радуги. В цветах спектра, на которые распадается белый цвет...

Хранитель слышал звон бьющегося стекла, но понял, что это лишь очередная игра его фантазии: слишком далеко он находился сейчас от места происшествия, и это был лишь знак: звон разбившегося полотна, означающий всегда начало чего-то нового, начало новой жизни, начало перемен... Однако же Хранитель помнил, сколько раз ошибался в своих ожиданиях и догадках и решил не ждать ничего. Лучше ничего не ждать, чем в тысячный раз убеждаться в своей глупости.

Книга засветилась синими огнями: это означало, что событие свершилось, надпись о нем перемещена в главу «выполнено».

А значит, он должен спешить.

2

Ночь была, казалось, бесконечной. Один и тот же кошмар преследовал Генриха, не давал забыться, выражался криком в ночи, холодным потом, дрожанием рук, ничто и никто не мог ему помочь. За эту ночь он проживал свою жизнь заново, все ее самые ужасные и счастливые дни. Все, что снилось ему сегодня, уже было с ним когда-то.

Это был не просто кошмарный сон, который порой мучает каждого: бред смешанный с реальностью. Такие сны обычно всплывают на основе реально происходящих событий, когда разум сам домысливает все в черных красках – все предчувствия и страхи смешиваются в одном безумном коктейле, пропадая после пробуждения и нехотя уступая место чувству облегчения.

Нет. То, что видел Генрих во сне, не было бредом, даже отчасти. Он знал каждый кусочек этого сна, знал, что будет дальше, и, периодически просыпаясь, домысливал продолжение. Воспоминания тяготили его разум, он проваливался в них, словно в наркотический сон, и никак не мог проснуться окончательно. Несколько раз он вставал с кровати, выходил на свежий воздух, полный презрения к самому себе за свой страх перед происходящим, молил луну исчезнуть, а солнце выглянуть в надежде, что кошмар закончится с его появлением. Но и в этом он не был уверен, ведь все, что с ним сейчас происходило, было, с одной стороны реально (он когда-то уже проживал это), но с другой стороны...

Он мог выйти на балкон, а через мгновение оказаться в своей кровати снова, мог с легкостью выпить стакан вина и раздавить его рукой, увидеть, как осколки врезаются в кожу, и темная в свете ночи жидкость стекает по пальцам, услышать странное шипение за спиной, обернуться с непонятно откуда взявшимся мушкетом в руке и узреть картину из своего прошлого – мальчика, бегущего по саду от воспитателя, прочувствовать снова восторг игры, легкость молодости, а потом проснуться от боли в груди, возникшей из-за донесшихся ему голосов близких людей, из-за осознания того, что их скоро не будет с ним.

Голоса! Они звучали так, словно доносятся из соседней комнаты, словно все, кого он знал, собрались там и ждут его самого, общаясь друг с другом, смеясь и споря порой. Он услышал даже свой детский голос, который разговаривал с ним же – взрослым. Смеясь и подкалывая, им вторил Генрих-подросток, рассказывая свою историю, полную восторга и жизни. Женские голоса были тише, они плакали, смеялись, и в шуме он не мог узнать их все... Но один голос он узнал. И как только услышал, захотел быть рядом с его обладательницей. Быстрее, быстрее! Пока он не затих, нужно встать, открыть двери и войти – ведь она же там ради него, ждет его и может пропасть, не дождавшись! Генрих вскочил с кровати и почти сразу оказался у дверей соседней комнаты, что не показалось ему странным, поскольку эта ночь его изменила. Полный трепета и восторга, в этот момент он себе напоминал ребенка, открывающего подарки на Рождество. Двери со скрипом отворились, и ...Генрих услышал собачий лай. Все громче и громче...

Он открыл глаза. В окна светило солнце, а перед кроватью сидел пес. Большой, черный, лохматый пес заходил лаем, а когда хозяин подал признаки жизни, завилял огромным хвостом и уткнулся влажным носом в свисающую с кровати руку Генриха.

– Ареон, чертяга! – Генрих не сразу узнал свой голос. – Ты не представляешь, как же я рад тебя видеть. Но как ты сюда пробрался?

– Он уже несколько минут сидит около вашей кровати и лает. Весь дом поднял на уши. – В комнату зашел слуга и поставил принесенную чашку кофе на прикроватный столик. – Вы кричали во сне, он, видимо, услышал. – Пожилой слуга бросил взгляд на пятно от вина на ковре и кучу осколков. – Не поранились, ваша светлость?

Генрих посмотрел на ладонь и не нашел ничего страшного в своем ранении, только пару царапин.

– Нет, спасибо за беспокойство... Берnard. Я когда-то запрещал Ареону заходить в спальню, теперь я снимаю запрет. – Он потрепал по лохматой челке пса.

– Все равно, если захочет, то пойдет. Нет силы, способной его остановить. Такая громадина..., – слуга отворил шторы и открыл окно настежь, после чего пожелал доброго утра, и вышел.

Вдыхая аромат утреннего кофе, Генрих задумался. Сон его не отпускал: он до сих пор был реальным. За одну ночь прожить все свои годы, до сегодняшнего дня заново – наказание или дар? Он вспомнил, как несколько раз за ночь просил у всех высших сил о прекращении мучений и несколько раз о продолжении, чтобы прожить счастливые дни снова и прочувствовать их всем сердцем. Познание мира вокруг, осознание себя человеком, первая любовь – все было совсем недавно. И Генрих все помнил, до последней минуты. Сейчас, при желании, он мог с легкостью воскресить в памяти любое событие, словно из только что прочитанной книги, словно найти на полке нужную вещь. Все события жизни выстроились друг за другом, как в галерее, где картины расположены в строгом хронологическом порядке...

Он поднялся с кровати, и его взгляд привлекла кучка осколков на напольном ковре. Весеннее солнце – частый гость в доме, обычно надоедающее своим светом – сейчас же резвилось, играя лучами в них, окрашивало осколки в разные цвета... На какой-то момент Генрих ясно увидел кусочки стекла разных цветов, и ему стало дурно.

Перестав искать причину пережитого, он не докопался до истины, хоть и делал робкие попытки предположений... Но ему, как и любому человеку, не могло прийти в голову, что этой ночью его судьба была разбита и ее часть разноцветными осколками светилась на мраморном полу...

3

Высокая, светловолосая девушка стояла босыми ногами на каменном полу и плакала от осознания того ужаса, который сотворила. Осколки под ногами, мелкие и крупные, яркие, светящиеся под лучами ламп и преломляющиеся в ее слезах, говорили о том, что уже ничего не исправить. Полотно было разрушено, со звоном и страшным стоном оно рухнуло ей под ноги, неведимой осталась только небольшая его часть, которая не разлетелась из-за крепежа рамы.

Девушка услышала голоса: мужские, женские, детские. Плачь, смех, крик- все слилось в одном стоне. Что это был за стон! Он пронзил ее до глубины души, смешался с каждой ее частицей, затронул струны нервов, разлился невыносимым жаром в груди!

Не в силах больше слышать его, она упала на колени, закрыла уши руками и зажмурилась. Стало намного легче. Впрочем, вскоре звуки стихли и наступила тишина. Девушка поднялась с колен и огляделась.

Главный виновник всего происшедшего- человеческая игрушка, мяч, подарок отца на день ее рождения- лежал рядом с осколками, как виновник случившегося. И совсем зря она одушевляла его, давала ему различные имена, неблагодарный! Как он мог так подвести ее!

Послышались шаги, за ними шелест одеяний, девушка вдохнула воздуха полную грудь и замерла... Как она и предполагала, вошел отец. Вошел и остановился в дверях.

– Что ты натворила! – послышался его шепот. – Что ты натворила! Ты разбила жизнь, судьбу! Целую жизнь! Ты понимаешь?

– Мне очень жаль!

– Не сомневаюсь! Мне тоже жаль! – он вскинул руку в сторону мяча и тот послушно исчез, разлетелся на мелкие частицы.

– Нет, отец! – Видя, как «друг» превращается в пыль, девушка расплакалась.

– Ты слышала это? – мужчина схватил дочь за плечи и сильно встряхнул, словно куклу.

– Что? – она виновато подняла на него заплаканные глаза, в глубине которых он увидел положительный ответ на свой вопрос.

В ее зеленых глазах зарождалась чернота. Плохой знак. Смертельный знак. Конечно же, она все слышала, хоть и недолго, иначе чернота расплылась бы по всей роговице...

– Что же теперь будет? Я стану такой, как ты? – словно прочитала она его мысли.

Мастер молчал, обдумывая, что же стоит рассказать дочери сейчас, а что нет? Необычно было чувствовать сейчас целый шквал эмоций, после стольких лет служения мастерству сложения судеб. Оказалось, что он все еще может чувствовать и переживать. А ведь на его шее уже много лет висел кулон, дарящий своему носителю безразличие!

Этот кулон он сам выбрал когда-то, по совету своего отца. Правда, в молодые годы любовь и надежда привлекали его больше, но именно сейчас пришло осознание того, что много лет назад выбор был сделан правильный. Ведь именно безразличие- лекарство от всех переживаний, связанных с его обязанностями. Любовь же и надежда приносят только страдания своим носителям.

– Собери все! Все, до крошки! Нельзя терять ни минуты. А мне надо поговорить с твоей матерью, – приказал Мастер и удалился.

Энж, так звали девушку, после упоминания о матери, испытала приступ отчаяния, вспомнив, сколько же раз за последнее время заставляла ее переживать за себя.

Сколько Энж себя помнила неприятности так и сыпались одна за другой на ее голову, как ни старалась она их избежать. Следуя советам матери, она изменяла случайности: шла туда, куда не должна была по сути, занималась тем, чем минуту назад не планировала... «Будь хитрее. Все ждет того, что ты что-то сделаешь не так, готовит ловушки, а ты передумывай

в последний момент. Меняй настроение, обстоятельства. Будь непредсказуема. И тогда неприятности не будут знать, где поджидать тебя. Будь быстрее их, доченька, живи. И пусть сначала все не получается, не отчаивайся», – учила ее мать, а Энж, словно назло, каждый день преподносила ей все больше неприятностей, сама того не желая.

Собирая осколки чьей-то жизни, Энж была полна раскаянья и страха, ведь все на этот раз было настолько хуже ее обычных неудач, что грозило большими переменами, а может даже гибелью.

Сложный разговор состоялся вскоре после происшествия. Семейство Энж собралось на кухне за круглым столом, за которым собиралось каждый вечер. Ужин в семействе Энж всегда был чем-то священным, чем-то большим, чем просто традиция. Каждый член семейства делился за ужином своим собственным восприятием мира за день, но когда очередь доходила до рассказа отца, тот ограничивался лишь парой слов, и все за столом понимали, что он молчит не из-за того, что ему нечего рассказать. Наоборот, он молчал потому, что каждый его день хранил в себе столько, что не расскажешь за ужином.

Отец всегда казался нереальным, невозможным и... представлял собой целый мир волшебства для Энж. Пару раз после ужина, в те нередкие разы, когда он задерживался ненадолго в их доме и слушал рассказы жены о детях, Энж, несмотря на протесты матери, освободившись от ее удерживаний благодаря своей природной изворотливости, залезала к нему на колени, надеясь на то, что уж ей то он расскажет пару историй из тех, что видит в судьбах! Но отец всегда лишь улыбался, целовал ее в лоб и уходил. Энж тогда все додумывала сама. Борясь со сном, дождавшись, когда в комнате наступит тишина, смолкнут нескончаемые детские разговоры, она погружалась в свой собственный мир, фантазия рисовала ей новую историю, либо продолжала старую, не законченную еще вчера.

В этот вечер за столом как обычно была вся семья- мать, отец, братья и сестры, но той атмосферы, что ранее, не было и в помине. От этого стол казался просто огромным, а все члены семьи дальше, чем обычно- словно на другом конце Вселенной.

Первым взял слово отец:

– Хочу сообщить вам, что сегодня с вашей сестрой случилось непоправимое.

Младшие по возрасту захихикали. Старшие не смогли сдержать улыбки. Все было ясно. Снова Энж что-то натворила, чего еще ожидать от нее! Мать сделала замечание по поводу насмешек, и наступила тишина.

– Сегодня по неосторожности она разбила судьбу. – Продолжил отец. – Это значит, что теперь ее жизнь поменяется. Она станет моим учеником, и под моим присмотром будет собирать разбитую судьбу заново. Есть возможность оставить все так, как есть, в таком случае человек просто исчезнет из своей жизни и все. Все его потеряют, потом забудут. Такое бывает с людьми.

– Не нужно, – Энж поднялась с места. – Я все исправлю!

– Не перебивай старших! – прикрикнул на нее отец, и всем стало очевидно, что за его спокойствием таятся слезы.– Когда я закончу говорить, я дам тебе слово. Нам повезло, человек еще жив, но еще три дня человеческого времени и полотно прервется. Точнее два дня и тринадцать часов с минутами осталось до края. Поэтому за работу нужно браться уже сейчас. Энж должна стать Мастером, как и я. С этого дня она будет жить в мастерской, пока не освоит мастерство. Надо сказать, что не было еще ни одного мастера судеб- женщины. Вы все знаете, что им отводятся совсем другие обязанности в нашем мире. Но у меня нет выбора. Все очень серьезно и у Энж в глазах расплывается чернота, которая не уйдет просто так, сама по себе.

Семейному совету помешал раздавшийся стук в дверь.

– Заходите!

В комнату заглянул маленький, плешивый человечек, в таком же белом одеянии, как и отец семейства. В руках он держал книгу со множеством закладок-ленточек, некоторые

из которых были связаны между собой. Сама книга светилась желтым цветом и была настолько большая для человечка, что он держал ее двумя руками.

– Мастер, снова та же проблема. Снова на уровне, за который вы отвечаете, разбилось несколько судеб и начинается самопостроение новой...

Мастер вздохнул и нахмурился. Сколько он себя помнил, на этом уровне всегда были проблемы. До недавней, постоянно повторяющейся странности, происходили и другие непонятные вещи, абсурдные порой. Они сводили его с ума. Обладая любопытным умом, он взял на себя ответственность за этот уровень по молодости, потому что сначала задачи, которые ему приходилось решать, отвечая за него, развлекали. Погружаясь в каждую судьбу, он испытывал волнение, разгадывал ребусы, а порой удивлялся, каким удивительным образом этот уровень мог налаживать сам себя...

– Хорошо, сейчас подойду. – Последние слова были сказаны семье: Не поминайте лихом. – Он улыбнулся им, сказав фразу, которую слышал неоднократно. Так говорили люди на том уровне, которым он занимался. – Энж, иди за мной.

Энж отправилась за отцом, даже не догадываясь, какое ей предстоит жестокое испытание и что, возможно, она никогда не вернется в свой дом, никогда не увидит своих братьев и сестер.

Но ее сердце было открыто навстречу чему-то интригующе новому, и она верила, что непременно хорошему, верила, что крылья, которые вырастают за секунды, не умеют обманывать.

4

Выйдя из дома, находящегося на 113 этаже их Вселенной, отец с дочерью оказались в коридоре. Двери вокруг, огромный колодец по центру этажа круглым кольцом возвышался над полом. Строгие линии ламп расчерчивали потолок, серый пол под босыми ногами отзвучивался на каждый шаг легким звоном.

Пока ничего не предвещало начала чего-то нового. Разве что только запах родного дома, запах ванили и смеси корицы с лимоном сменился на холодный запах лаванды.

Энж помнила, как заботливые руки матери раскладывали благовония по дому: на кухню, несомненно ваниль! Под детские подушки для лучших снов – лаванду, но совсем немного, ровно столько, что стоило только оторвать голову от нее, как сразу улавливался запах корицы, бодрящий и теплый. Скоро ли она вновь почувствует запах родного дома?

Пока отец со смешным чудиком обсуждали что-то, Энж в сотый раз за свою жизнь перегнулась за перила колодца и посмотрела вниз. Голова приятно закружилась и поманила глубину. Сто двенадцать этажей дверей снова предстали ее взору, а там, в самом низу, двери казались маленькими точечками, образующими окружности. За каждой дверью- Энж это знала – кто-то живет. Но она не была знакома с другими такими же, как она сама. И ей это не казалось странным. Так было всегда.

Как же часто, пока не видит мама, Энж со своим «другом» смотрели вниз, помышляя о будущих достижениях! Мяч собирался спрыгнуть и спорил, что вернется обратно с легкостью, а Энж не пускала, говорила, что боится его потерять, предчувствие беды не давало ей покоя.

И вот сейчас она испытывала страшные угрызения совести из-за того, что не дала ему этого сделать в то время, пока он существовал. А теперь его нет, и ей жаль его и себя. Она утратила не только «друга», но и часть ее самой умерла, та часть, которая не давала покоя, не давала сидеть на месте. Радость безумной беготни по коридорам, радость общения... Ее теперь не было!

Потеряв друга, Энж сделала для себя один единственный вывод: если что-то хочется, то надо обязательно это сделать, какой бы безумной ни казалась затея. «Если хочется, то нельзя запрещать никому... Если он хочет, то нельзя запрещать... нельзя! Никогда...».

Энж была неглупой, и вскоре над голосом сердца взял верх голос разума, говоривший о том, что если бы родители не запрещали ей делать некоторые вещи, то ее, наверное, давно не было бы в живых.

– Энж! – окликнул ее отец.

Подойдя к нему, она буквально кожей почувствовала излишнее, а потому пугающее внимание к себе. Мужчины смотрели на нее с любопытством, человек с книжкой пытался заглянуть в ее глаза, хотя у него это плохо получалось в силу его роста.

– Ну, что скажешь, Хранитель? – спросил отец Мастер у коротышки.

– Если ты действительно уверен, что в глазах стала появляться чернота, то боюсь, у нас нет другого выхода.

Мастер побледнел.

– Но мы можем дать ей амулет забвения или безразличия! – Тут же попытался утешить собеседника Хранитель. – Я знаю много случаев, когда они помогали, – книжка в его руках вспыхивала на каждое слово желтым сиянием.

– Да, это единственный выход...

Они двинулись по этажу, и как только остановились, откуда-то с верхних этажей спустилась мигающая плоскость и опустилась к их ногам. Мастер и Хранитель ступили на нее, и теперь ждали Энж. От Мастера не ускользнуло ее удивление, но на объяснения не было вре-

мени. Чуть позже они поговорят с ней обо всем, он ей все расскажет. Сверкающая штукавина резко взмыла ввысь и в сторону. Энж вскрикнула от испуга, когда перед ее глазами стали проноситься с безумной скоростью различные картинки: этажи, лампы, представители ее расы, коридоры... Рука отца, желая успокоить, легла ей на плечо. Сверкающая штукавина под их ногами сделала еще пару движений вправо, а затем влево и остановилась перед стеклянными дверями, которые сразу же распахнулись.

«Добро пожаловать на уровень, Мастер» – прозвучал женский голос.

– Будь внимательна и ничего не трогай! – Прозвучал приказ, но Энж слышала слова отца уже вполуха: поразительнее того, что она увидела сейчас, она не видела никогда.

Огромный зал, освещенный настолько, что сильно слепило глаза, простирался в стороны. Длинные ряды, конца которым, казалось, не было, – состояли сплошь из полотен, разноцветных, сверкающих. Делая робкие шаги, Энж невольно остановилась, залюбовавшись одним из них. Цветное полотно сверкало разноцветными кусочками, маленькими и большими, и лишь на самом его верху была черная полоса... А где-то посередине полотна, практически незаметная, справа налево двигалась горящая точка.

Неужели и Энж когда-нибудь создаст такую красоту? Вот было бы здорово! Хотя... Никогда ничего у нее не получалось: ни шить, ни готовить, учеба давалась тяжело. Так зачем же мечтать о невозможном? Конечно, судьбу, которую она разбила, придется восстановить все равно, но в этом она рассчитывает на помощь.

Как зачарованная, Энж приблизилась к полотну, вглядываясь в него, рука ее потянулась и дотронулась до рамы. То, что произошло сразу же после этого, заставило девушку вскрикнуть от испуга: полотно сначала покрылось белесой пленкой, а затем постепенно, от краев к центру, стало белеть, пока не побелело совсем.

Разрываясь между двумя желаниями: догнать отца и рассказать ему о происшедшем и вторым: просто убежать отсюда, не сказав ему ни слова (ведь по сути ей ничего хорошего ее рассказ не принес бы наверняка) она увидела, как к полотну подошли Мастера и погрузили его в огромную корзину на колесиках. В корзине было много таких же белых полотен, отличающихся только размерами и цветом рамки, и девушку это успокоило, ведь до них-то она не дотрагивалась. Чуть позже, все еще пытаясь догнать родителя, она видела среди рядов еще несколько белых полотен.

По пути ей попадались маленькие человечки с тележками, наполненными до краев кусочками судеб, словно драгоценными камнями. Проследив за одним из них, она увидела, как он подвез свою ношу к одному из Мастеров, трудившихся над полотнами, легким движением руки высыпал содержимое в вазу, стоящую рядом с ним, и отправился в обратном направлении, едва не столкнувшись с Энж. Она поразилась тому, с какой легкостью человечек опрокинул тележку, и подумала, что Хранитель с огромной сверкающей книжкой, наверное, тоже из их расы – расы маленьких лысых человечков, способных с легкостью таскать, казалось бы, неподъемные для их роста вещи.

Вдруг, до ушей девушки донеслись необычные звуки, они были похожи на женские голоса, немного на детский смех. Словно происходил разговор невидимок. Но слов было не разобрать, а двинувшись навстречу им, она поняла, что слов и не было. Просто необычные звуки, но какие! Будто неведомая сила высекала их из воздуха. Звуча все громче и громче, они отзывались доселе неизвестными чувствами в ее душе. Они были невесомы, легки и отзывались каждое ее движение, каждый ее шаг сопровождался звуком.

Спеша навстречу этому чуду, она вскоре увидела отца. Он был великолепен: глаза горели синим цветом, в тон светящемуся кулону. Волосы были растрепаны – рукой он всегда лохматил свою шевелюру. Энж улыбнулась. Вот оно – волшебство.

Мастер творил. Его руки двигались быстро, уверенно. Почти не глядя, он захватывал разноцветные кусочки и выкладывал один за другим в полотно, которое было ему послушно с каждым вложенным кусочком по глади полотна пробежала едва заметная дрожь.

Энж поразила тому, как судьба благоговейно внимает отцовским движениям: словно ребенок, терпеливо ждущий, когда же, наконец, ему поправят одежду, причешут волосы или залечат раны, чтобы он мог выплеснуть энергию жизни, накопившуюся за эти минуты спокойствия.

Зрелище было потрясающим, и Энж, невольно залюбовавшись, не заметила, как к ней подошел Хранитель, вздрогнула от неожиданно зазвучавшего шепота за ее спиной:

– Не мешай ему.

– Я и не собиралась.

– Слишком много зависит сейчас от работы твоего отца, он лечит судьбу человека, очень важного на том уровне, которым он занимается. Не многим из людей суждено играть такую роль в судьбах других. – Объяснил он девушке, в общем-то в объяснениях не нуждающейся.

– Каким отец занимается уровнем? Это город, государство... Каким?

– Тебе это знать совсем не нужно. Название или век, который сейчас на Земле, не важны. Люди совершенно разные всегда, но само человечество в сумме своей всегда одинаково.

Энж кивнула в знак того, что все понимает.

– Кто этот человек?

– Очень важный человек, из очень важного семейства, – повторился лысый человечек, – В то время его называли «императором- защитником». Или просто Александром. Когда он появился в моей книге, твой отец растерялся, потому что понял, какая ответственность на него возложена, ибо этому представителю человеческой расы было суждено спасти свой народ. И Александр многое сделал, но человеческий род настолько непонятлив, что всегда и во все времена старался убить в себе все задатки хорошего. Люди, которые делают для таких же, как и он сам, добро, очень скоро оказываются непонятыми и забытыми, а такую выдающуюся личность как защитник, люди не смогли понять и простить. Собственно, уже пятый раз твой отец спасает его от смерти, – он вздохнул, и его взгляд устремился куда-то, намного выше, чем потолок, – А он не устает посылать своих сыновей в мир людей, где их ждет неминуемая гибель. Сколько же их было! Они обречены заранее, и их жизнь начинает цениться только спустя многие человеческие годы, когда на смену поколениям, погубившим их, приходят другие поколения. Лишь им суждено окинуть происшедшее трезвым взглядом и сделать правильные выводы. Это одно из проклятий человечества: ценить что-то только после того, как утратил.

– А что это за звуки?

Хранитель тихо хихикнул, закрыв рот ладонью.

– Удивительно! Ты слышишь их?! Я их не слышу, но знаю, что они звучат, когда твой отец за работой.

– Они меня сюда и привели.

Хранитель задумался:

– Странно..., но объяснимо. – Взгляд его вновь посветлел. – То, что ты слышишь сейчас, это музыка. Ты слышишь ее благодаря желанию твоего отца. Когда он стал отвечать за огромный уровень, то мог выбрать себе награду за труды. Он пожелал, чтобы в то время, как он работает с полотнами, звучала музыка, сотворенная одним выдающимся человеком. В Земной жизни его звали Вольфганг Амадей, он был послан в земную жизнь, чтобы дать людям музыку, которая будет жить вечно. Музыка способна как залечить раны, так и ранить без оружия. Но главное ее предназначение- исцелять души. Твой отец слышал музыку, просматривая судьбы, и был пленен ею. Сейчас он говорит, что она ему помогает и не дает полностью раствориться в безразличии.

– Музыка? – Энж произнесла по буквам незнакомое слово и улыбнулась, словно ее представили незнакомцу, о котором заочно она знала уже многое, кроме его имени.

Новая знакомая в ответ разразилась шквалом нот и аккордов.

– Вторым его желанием был подарок для тебя, та злополучная человеческая игрушка. – Хранитель вздохнул, видя, как грусть появилась в глазах девушки, ибо музыка навяла ей грустные воспоминания о потере «друга», но, будучи непостоянной, меняющейся, уже через мгновение вторила мыслям Энж о том, какой же дорогой ценой досталась отцу ее радость от неожиданного подарка.

– Вот это было глупостью, – продолжил он. – Все, что переходит сюда из мира людей, может унести этот предмет сразу из нескольких человеческих поколений. Мы можем забрать что-то у человека, и это повлечет за собой ряд неисправимых событий. Вещь перестанет существовать в его мире. Конечно, будет много других, похожих, но он не сможет завести ни одну из них, потому что будет еще долго привязан к старой, и новые будут казаться недостаточно хорошими и чужими. Казалось бы, ничего страшного не случилось. Ан, нет! Дело в том, что вместе с предметом, из жизни этого человека уходят необходимые навыки обращения с ним. Допустим, у кого-то в детстве пропал мяч, и поэтому у него нет необходимого навыка общения с круглыми предметами. Его ребенок, поскольку за всю свою жизнь он не сталкивался с ними тоже, также не имеет необходимых навыков. И так далее. В итоге мы имеем поколения людей, не умеющих играть в мяч.

На мгновенье Хранитель замолк, проверив, как внимательно его слушает Энж, и продолжил:

– Тут имеет значение земное время. Век, год и день, когда пропал мяч, и день, когда он вообще был придуман. Чем ближе дата пропажи мяча к дате появления в руках человека как игрушки, тем более судьбоносна его пропажа. Игры в мяч на протяжении многих веков были популярны, некоторые люди играли для развлечения, некоторые для того, чтобы решить спор, есть даже такие, кто играет в мяч, молясь своим Богам... Я не осуждаю возникший интерес твоего отца к этой игрушке. Сложно не заинтересоваться ей, видя, как испокон веков она появляется в судьбах то в одном, то в другом качестве. Но я осуждаю его за то, что он забрал ее из чьей-то человеческой жизни: ведь любая вещь, перенесенная оттуда, может изменить многое...

Работа Мастера была закончена, полотно побелело, и он отвернулся от него, держась за кулон. В глазах постепенно гас синий огонь.

– Поздравляю тебя, Мастер. – сказал Хранитель.

– Ты понимаешь... Шестой раз будет последним, его все же убьют, а он еще столько не успел! – дрожащая рука, словно гребенка, прошла по светлой шевелюре. – Я не смог! Не смог отсрочить его смерть!

– Но ты сделал все, что можно было сделать. Видишь, полотно побелело, значит, ты решил задачу.

– Иногда мне кажется, что я ошибся и где-то чувства не на своих местах.

– Это исключено, ты же знаешь!

– Знаю, но постоянно об этом думаю... – Мастер, казалось, только что заметил Энж рядом. – Ты видела?

– Да.

– Отлично, значит, имеешь представление о том, чем тебе придется заниматься. – Кулон погас, глаза Мастера тоже. – Ну что ж, пойдем исправлять твои ошибки. Но сначала нужно определить тебя как носителя.

– Определить меня, как носителя?

– Определить, Мастером какого чувства ты будешь. Мы, Мастера, носим чувства, и являемся их носителями. А люди, чьи судьбы ты будешь собирать, являются носителями судеб. Сей-

час нам нужно определить, какое из чувств надеть тебе на шею. Только после этого ты сможешь приступить к работе, и только после этого все чувства будут слушаться тебя. Ты должна сама выбрать себе кулон, опробовав действие каждого. Благодаря тому, что каждое из них имеет свой цвет, не возникает путаницы при сборе. Я постараюсь объяснить тебе вкратце про каждое, только слушай внимательно, у нас нет времени на пересказ... Итак, есть несколько основных чувств, которые носят Мастера: красный-страсть, розовый-любовь, оранжевый-радость, желтый- счастье, зеленый- надежда, голубой- печаль, синий-безразличие, фиолетовый- ненависть. Любовь-розового цвета, страсть красного. По своей сути розовый- это тот же красный, только с примесью белого- святости, которая не является основным чувством, а только лишь вспомогательным. Она разбавляет чувства и придает им различные оттенки. Поэтому любовь- смесь двух цветов, красного и белого, страсти и святости, и именно ее оттенок определяет, какая она: страстная или более душевная, платоническая... Любое человеческое полотно начинается с любви, иначе просто оно не соберется. Были попытки начинать полотна с других цветов, но они были неудачными. И с тех пор все начинается с любви. Без нее никуда, она везде, человек, не испытывавший любовь, прожил свою жизнь неправильно и лишь только наполовину душевно является человеком, даже если он испытывал страсть... Ты внимательно слушаешь?

– Да, я слушаю.

– Желтый цвет-цвет солнца, цвет, обозначающий счастье, – он поморщился, – пожалуй, самое непонятное для меня. Столько лет служу мастерству сложения судеб и не могу его понять. На мой взгляд, счастье просто так, без причины люди не испытывают практически никогда. Оно должно зависеть от стечения обстоятельств. Все остальные чувства главнее обстоятельств, ведь именно под воздействием чувств люди совершают поступки, проживая жизнь, но счастье- это чувство, возникающее в результате поступков, как итог их действий, как подарок, как заслуга... Счастье наполняет душу человека покоем и умиротворением, но оно двулико: человек всегда чувствует отсутствие его, но наличие – нет... Ты слушаешь? – снова спросил он.

– Да.

– Между красным и желтым, между страстью и счастьем есть оранжевый цвет, обозначающий радость. Это чувство также является одним из основных и необходимых. Но оно мимолетно, хоть и практически всегда узнаваемо людьми, в отличие от желтого... Ровно посередине спектра находится зеленый цвет, и он обозначает надежду. Именно потому, что двояко и может смешиваться с любым холодным или теплым цветом, не теряя своей сути, оно и находится посередине... Про нее я не буду рассказывать много, надежда и есть надежда... После зеленого идет голубой цвет – это еще не безразличие, но уже и не надежда, это грусть. Людям она необходима, как и основное чувство, так и примеси ее с радостью, надеждой, любовью... Синий!

Лицо Мастера просияло так, как бывает, когда рассказчик начинает говорить о самом сокровенном, о самом главном... Словно ждет, что после его слов что-то изменится вокруг. Чтобы оправдать его ожидания, Энж улыбнулась.

– Это безразличие! Носителем этого чувства я являюсь, носителем этого чувства, я надеюсь, будешь и ты. Безразличие не вкладывается в полотно как все остальные чувства, его предназначение лечить души, и поэтому мы, Мастера, носящие его, называем себя целителями. Человек страдает и чувствует пустоту? Пожалуйста! Безразличие вылечит все! И человек снова может жить, ведь старые душевные раны не болят больше. Поэтому безразличием как лекарством замазываются пустоты в полотне, как лекарство, оно расходуется только по мере необходимости. Ненависть – очень жестокое чувство, очень сильное чувство. Последний Мастер, носящий ненависть, был наказан за свои поступки, потому что не мог контролировать его. Больше никто не взял на себя ответственность носить фиолетовый кулон...

– Мне все понятно, – после небольшой паузы сказала она, – кроме одного... А как же черный?

– Черный- это не цвет, это отсутствие цвета как такового. Поэтому в полотне человека это смерть.

– Но ведь палитра огромна! Я видела собранные полотна, там много цветов, гораздо больше, чем семь...

– Все промежуточные цвета – цвета, возникающие на границе чувств – это тоже чувства, но они не являются основными, их очень много, и их не перечесть, ведь человек может испытывать одновременно и грусть, и радость, и боль, надежду, стыд, симпатию, страсть и ненависть... В зависимости от оттенка сотворенного цвета на границе, зависит его продолжительность и то, выльется ли это в чувство или останется лишь эмоцией. Эмоции порой очень сильны, но мимолетны и быстро забываются, однако же являются порой роковыми, потому что под их воздействием люди часто совершают ошибки.

В это время Хранитель подкатил к Энж огромную чашу, заполненную стеклянным песком, поверх которого были разложены кулоны разных цветов. Они манили Энж, переливались блеском драгоценных камней, сверкали при свете ламп. Их было ровно семь, все, кроме ненависти. Розовый, красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий.

– Поднеси руку к каждому и прочувствуй его. Закрой глаза. Ты должна выбрать спокойствие. Если кулон твой, то ты почувствуешь спокойствие! Запомни это! Спокойствие! Спокойствие! Ничего, кроме спокойствия!

Но его слова уже звучали будто издали: терзаемая несколькими чувствами сразу Энж пыталась прочувствовать каждый из кулонов, и каждый из них рисовал ей свою картину, в своих тонах. Под воздействием каждого Энж считала, что нашла свой: не может чужое одаривать такими реальными эмоциями. Но, поднеся руку к другому, думала точно так же уже про другой.

Как ни старался Мастер надеть на шею дочери безразличие, она все же выбрала любовь.

5

Два Мастера схлестнулись взглядами в безмолвном поединке. Каждый отстаивал свою правоту, и каждый из них был прав по-своему. Немой диалог велся на уровне подсознания.

Для Энж была необычна такая манера общения. Ведь не произнесла ни слова, она слышала свой голос, она слышала голос отца. Он также не произнес ни слова, но их мысленный поединок продолжался.

– Как это получается?

– Ты теперь тоже мастер, – он улыбнулся, – привыкай.

– Мне... трудно так общаться, я слышу все твои мысли и слова сразу, и теряю среди них свои.

– Это не мысли, это мои слова. Привыкай. Учись разделять их.

– Прошу, давай поговорим, как обычно.

– Попробуй, – в его словах она почувствовала смех, подвох и умиление.

– Я не смогу?

– Попробуй.

– Отец, я уверена... – Она замолчала, почувствовав, как слова на ее губах растягивались в звуки, долгие, словно язык во рту онемел и не слушался. Пытливый разум пытался найти объяснения происходящему.

Она вспоминала процесс обучения в детстве; ее единственный источник знаний, как и у всех вокруг, но в потоках той информации о происходящем сейчас не было ни слова. Ее обучали искусству, тому, кто такие люди, были даже рецепты приготовления различных блюд (ведь она же должна была знать их, когда у нее появятся свои дети) ... Но ни слова о том, как Мастера общаются между собой, ни слова о кулонах, носителях. Словно отрывок из жизни, перед ней возникла странная девочка с кистями и палитрой. Она была растеряна. Столько не нужной никому информации поступало к ней в голову за время ее обучения, и ни крошки знаний о том, чем ей предстояло сейчас заниматься!

Внезапно возникло воспоминание о том, как в детстве она приходила в учебную комнату и брала кисти в руки. С каждым мазком кисти, с каждым штрихом для нее открывался мир знаний. Кто-то из ее расы умел подключаться к знаниям через книги, и она всегда завидовала им. У них не было последствий. Книги были одни и те же, каждая была прочитана по нескольку раз, в конце занятий они закрывались, и оставались ждать следующих обучающихся. Последствия же обучения Энж висели по всему ее дому. Цветные, алляпистые рисунки почему-то являлись гордостью за дочь для ее родителей, ее же саму каждый раз накрывало чувство стыда за них. Сколько раз в конце урока она, опустив кисть, смотрела на то, что нарисовала, впадая в очередной раз в мир знаний, и руки ее опускались. Позднее же, волоча домой, кроме полученных уроков в голове еще и кипу бумажных листов со своими каракулями, она грустила. Знала, что когда придет домой, ее встретит мать с улыбкой, заберет рисунки, просмотрит каждый, похвалит и снова развесит их по дому. И это не давало ей покоя, что-то было в этой похвале противоестественное, непонятное для нее, словно невидимой стеной отделяющее Энж от матери. «Неужели я одна вижу, что создала очередной ужас?» И ей хотелось закричать, чтобы только все вокруг прекратили выражать свои лживые эмоции.

Конечно, до времени следующего урока Энж переставала замечать развешанный «позор», он уже не смотрел на нее с укором со стен дома, но после очередного занятия, история повторялась...

Пока воспоминания картинами прошлого возникали из ее подсознания, и ее душа переживала ту, отдаленную сейчас реальность, ее физическое тело произнесло лишь слово «отец» из всей фразы, которую она собиралась произнести обычным для нее способом. Всего лишь

одно слово! В то время, как она успела вспомнить многое, даже прокрутить в голове многие диалоги из прошлого!

Мастер же улыбался. Внешне он был так же холоден, как и всегда. Но сейчас Энж ясно и четко видела и чувствовала его улыбку на той, общей для них двоих, волне. Он веселился от души, вспоминая себя молодого.

– Почему так происходит? – Спросила Энж по-мастерски.

– Потому что ты теперь Мастер.

– Я не смогу разговаривать, как раньше?

– Со мной нет, но, как только ты захочешь завести разговор, допустим с матерью или с братьями, к тебе вернется обычная манера разговора. На время, разумеется.

Она молчала от удивления, он продолжил:

– Все дело в разности скоростей мысли и восприятия у Мастеров и обычных существ. Ты замечала раньше, будто не можешь найти мысль, которая, едва озарив твою голову, ускользает от тебя, а потом исчезает в глубинах сознания, оставляя только разочарование? Это происходило от того, что ты в тот миг думала, как Мастер, то есть твоя мысль была гениальна! Но в связи с разницей скорости восприятия, твой прежний разум не мог ухватить ее. Она была подобна вспышке, яркой, красивой, но слишком быстрой.

Энж была восхищена общением с отцом. Теперь она понимала, почему всегда, чувствуя отчуждение и холод, упрямо продолжала верить в его волшебство! Она была права! Сейчас ей хотелось, как в детстве, забраться к нему на колени, хоть ненадолго. Обнять его, пусть в первый раз за последние несколько лет.

А Мастер думал о времени. Время, время, время... Он знал, что теперь для Энж существует время, беспощадный таймер, который отсчитывает количество ее возможностей, чтобы все исправить, а именно: выстроить полотно заново. То, чего нет для остальных Мастеров, теперь будет мучить ее, разливаясь в глазах чернотой и без конца напоминая о себе. Энж теперь станет словно такой же, как и большинство людей: наблюдать результаты траты времени... Это всегда больно. Чем дальше, тем больнее. Поэтому, как более опытный мастер, он должен сам пресекать все праздные разговоры, ненужные объяснения и так же, как и она, учиться чувствовать время, чтобы помочь ей выжить.

Но с начала их разговора одна из главных вещей была так и не сказана: Энж наверняка хотела объяснить, почему выбрала любовь. Ведь когда делаешь трудный выбор, обязательно нужен кто-то рядом, кто скажет, что ты не ошибаешься. Он почувствовал это и выжидающе молчал.

– Я уверена, что сделала правильный выбор.

– Ты не уверена, поэтому и говоришь это.

– Я не смогла бы иначе! Не смогла бы приносить что-то плохое!

– А чего хорошего ты принесешь своей любовью? Что можно принести в судьбу чувством, которое большинство людей проклинаят? Почему ты не послушала меня?

Она молчала и не решалась сказать причину своего выбора. Он же, распаяясь все больше, не заметил эту причину в потоке мыслей.

– Пойми, что люди из-за любви страдают. И очень многие мечтают о безразличии! Любовь безответная: молят, чтобы страдания закончились. Любовь ответная: боятся каждую минуту, что все закончится, ведь переход от розового к синему- только через фиолетовый!

– Ненависть?

– Это жуткая смесь, и я его называю маленькой смертью. Оно вызывает чувство обиды, бесполезности, никчемности и, вдобавок, хранит в себе еще отголоски любви. Вот это все в одном цвете. Он опасен, в моей практике очень часто были случаи, когда переход от розового к синему не наступал вовсе, а полотно начинало принимать только черные кусочки.

– Но ведь без любви нельзя!

– Я не спорю. Она нужна для продолжения человеческого рода, но самое главное, по моему мнению, она позволяет людям объяснить самим себе очень многое. Поступки, поведение, слова: это только край пирога. Если копнуть поглубже: убийства, насилие, войны объясняются порой этим чувством. Еще одно ее свойство: прятать обман, ложь, измены, превращать важные факты, делать из них ничто.

– Я буду давать людям любовь тогда, когда они будут нуждаться в ней. И они будут счастливы.

– Счастье? – Он расхохотался так громко, что Энж невольно обернулась по сторонам, думая, что кто-то мог услышать его смех. Забыла, что общение происходит на их собственной волне и услышать их не может никто. – Энж, мы не строим счастье. Мы строим судьбу! Счастье – это желтый цвет, и если его нет в полотне, то откуда ему взяться? Всевышний дает человеку характер, испытания, а мы лишь играем его чувствами! – Он все еще смеялся, – Счастье человека, судьбу которого ты построишь, будет зависеть в большей степени от него самого! Каждый человек глубоко индивидуален, и он будет воспринимать, чувствовать свою жизнь так, как никто другой. Даже светлые чувства люди переживают по-разному. Все люди индивидуальны, ни одного повторения! Есть близкие, но повторений нет. Допустим, одного из них оно будет вести к творчеству, к созиданию, но другого к разрушению и даже убийству. Ты удивишься, узнав, сколько войн совершалось во имя любви! Все, что ты можешь сделать для твоего персонажа сейчас – это сложить кусочки судьбы так, чтобы он мог прожить ее с чувством того, что проживает именно свою жизнь! Мастерство заключается в том, чтобы изучить характер носителя и вести его чувствами до самого конца жизни. Чтобы знать, какое он чувство сможет перенести и после какого из них. Где он почувствует радость, а где нет. Где он загрустит, а где пройдет мимо грусти, не заметив.

Он подошел к ней, и, словно чувствуя вину за свой смех, погладил ее по голове.

– Тебе всегда будет казаться, что любви мало. Допустим, ты вставила в полотно сверкающий, великолепный розовый кусочек, а человек его не заметил. Прошел мимо, не заметил, либо испугался и отверг его. Прожил чувство так, словно его и не было. Только в нескольких случаях люди проживут его, и каждый по-своему. Что ты сделаешь потом? Добавишь еще? И снова неудача! Любовь безответна, кусочки темных тонов облепят его со всех сторон. В следующую раз сделаешь попытку, но человек будет бежать от любви, помня про прошлые страдания. Если ты не оставишь свои попытки, то розовые тона у тебя закончатся, ведь на судьбу каждого выделяется одинаковое количество определенных цветов. Последующая его жизнь предстанет пред тобой в темных тонах, ибо просматривая его судьбу, ты будешь лишь искать проявления любви, ведь именно носителем ее ты являешься! Но вряд ли найдешь ее, и вот тогда ничего тебя не будет радовать, ни один их теплых и даже светлых тонов не смогут тебя утешить.

Он взялся рукой за кулон:

– Вот в этом мое спасение. В безразличии. Вот почему твой выбор неправильный.

Он победил. Но не торжествовал сейчас, ему было горько.

– А теперь нужно приступить к работе, осталось несколько часов, и чтобы успевать за его жизнью, нужно быть очень быстрыми. Пойдем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.